

РАССКАЗЫ

СЛОНОФЕРМА

Секретарша дожевала кусочек кекса и еще раз внимательно посмотрела на Ивана.

— Ширинку-то закройте, а то муха залетит, — сказала она, глазами указывая на причинное место посетителя.

— Ой, извините, — сконфузившись, Иван застегнул молнию, — вечно она растегивается.

Секретарша понимающе кивнула и указала на дверь, приглашая войти в кабинет. В кабинете за столом сидел директор. Он поглаживал свои усы, растущие как будто не под носом, а наоборот — в нос.

— Здравствуй, Иван, садись поближе. Разговор есть, — сказал директор и указал рукой на стул.

В кабинете пахло свежей известкой и навозом. Кругом летали мухи. Когда они садились на белые стены, то становились похожими на изюм из отрезанного кусочка кекса, съеденного секретаршей.

— Что-то, Иван, слонodelы на тебя жалуются в последнее время. Как-то ты их вдохновлять перестал, — сказал директор и согнал со стола двух без стеснения спаривавшихся насекомых.

— Да я же стараюсь, Никита Абрамович, вы же сами знаете.

— Ну, Иван, стараться — это одно. А результат — это совсем другое. Ты когда в последний раз слона нормального со слонodelом получил? А? Сдуваются же все. Не закрепляются. Нет результата. Нет.

— Сдуваются, Никита Абрамович.

— Вот, Иван, сдуваются.

— Ну, я буду работать над этим. Что-то придумывать... А может, мне с мужиками попробовать? Слышал я, что у некоторых отличный симбиоз получается.

— Да нет, Иван. Кто ж из мужиков-то с тобой слонodelничать будет? Не смехи.

— Никто не будет, это точно, — Иван обвел взглядом стены. Директор молчал. Пауза затянулась.

— Поеду я тогда к мамке в город. Она меня давно зовет, — сказал посетитель и вздохнул.

— Погоди, Иван. Не спеши. В город всегда успеешь. Я ж тебя не за этим звал.

— А зачем же тогда?

— А затем, Иван, что есть у меня к тебе одно предложение.

— Предложение? — переспросил Иван и пододвинул стул поближе к директорскому столу. Муха, сидевшая на краю стола, отлетела чуть подальше, пристолилась, замерла и потеряла лапки.

Александр Константинович Селин родился в 1983 году в г. Томске. В 1986 году переехал в Киргизию. Окончил Кыргызский технический университет им. Раззакова по специальности «Вычислительные комплексы, системы и сети». Окончил курс прозы в открытой литературной школе г. Алматы. Вошел в лонг-лист «Русской премии» в номинации «Малая проза». Живет в г. Алматы.

— Предложение, Иван, предложение, — сказал директор и потер руку об руку, точно так же, как это только что сделала муха, — слышал про анисинские деликатесы?

— Слышал, конечно.

— А ты думаешь, Иван, из чего они сделаны? Из слонятины. Да, да. И не удивляйся так. Только слонятина эта нежная-нежная, воздушная-превоздушная. Нашим слонятам до такой слонятины как моей секретарше до сорок восьмого размера, — сказал директор и рассмеялся себе в усы, — так вот, Иван, предложение мое к тебе такое: ты должен разузнать, в чем секрет их слонятины. Как они ее, заразу, такой нежной делают?

— Да как же я про это узнаю?

— Мы тебя, Иван, отправим к ним по программе обмена опытом. Вот тут твои рекомендации и их согласие на твое участие в программе, — директор взял папку с документами со стола и передал ее Ивану, — сейчас домой иди, вещи собери. Завтра с утра выезжаешь.

* * *

Водитель выкинул недокуренную папироску и указал взглядом на кабину свежесмытого трактора. Иван, держась за ручку двери, влез в кабину. Водитель влез в кабину с другой стороны.

— А чего на тракторе? — спросил Иван водителя. — Дорога же нормальная, вроде асфальтированная.

— Хех, чего на тракторе? Да мы, парниша, в прошлый раз на подъезде к Анисимовым так на легковухе встряли — пока выбрались, по уши в дерьме извоились. Там какие-то навозные залежи кругом.

— Так вы туда уже ездили?

— Хех, ездили? Конечно, ездили, парниша. Я таких, как ты, уже с десятков туда-обратно отвез.

— И что? До сих пор их секрет не узнали?

— Хех, про секрет не знаю. Но ты, парниша, поосторожнее там. Те, которых назад я забирал, какие-то были другие. Какие-то отрешенные. Все повторяли всю дорогу: «Натаха даже мертвого уговорит».

— А кто это — Натаха?

— Хех, да баба обычная. Дочка ихней слонядельщицы.

* * *

— Здравствуйте, вы к нам по программе обмена опытом? — спросила Ивана какая-то девушка в цветастом платье с большими широкими рукавами, когда он вышел из подъехавшего к воротам трактора.

— Здравствуйте, да. Меня Иваном зовут.

— А меня Натахой. Будем знакомы, — девушка обвела взглядом Ивана снизу доверху, — а можно я буду вас Ивахой звать?

— Ну, зовите, если вам так будет удобнее, — сказал, немного смутившись, Иван, — с чего начнем нашу программу?

— С чего начнем? — почему-то засмеялась Натаха. — С угощений начнем, Иваха. Отобедаете нашими деликатесами, отдохнете с дороги. А вечером попробуем с вами слона сделать.

— Вечером уже слона будем делать? Ничего себе у вас скорости.

— А чего тянуть? — девушка подмигнула Ивану и повела его за собой в дом.

* * *

Мужчина в цветастой рубахе с большими и широкими рукавами указал взглядом на стул во главе стола, приглашая к обеду. Иван присел. На столе стояли различные мясные закуски, приправленные соусами, нарезанный хлеб, квас и брусничный морс в кувшинах, расписные столовые приборы. Мух нигде не было. Навозом не пахло.

— Вот здесь у нас слоновья нарезка в кисло-сладком соусе. Это слоновьи колбаски в чесночном соусе. Кусочки хобота на шпажках. Пирог из слоновьей печени. Берите, Иван, кушайте. А минут через десять Натаха горячее принесет.

— А как вас, простите, звать? — спросил Иван у мужчины в рубахе.

— Василь меня зовут. Я Натахин брат старшой.

— А хозяйка-то где?

— Мать, что ли? Так к вечеру только будет. Вы кушайте, Иван, кушайте.

Закуски были божественными. Слоновье мясо таяло во рту, как восковые свечи в пасхальную ночь. Через несколько минут вошла Натаха с расписным разносом, на котором испускало пар и ароматы горячее. На горячее были слоновьи отбивные с тмином в сметанном соусе. Такой нежной и воздушной слонятины Иван не ел никогда.

* * *

— Натаха, я вот сижу тут у вас все разглядываю и никак не пойму, — Иван слегка отодвинулся на стуле от стола и деланно повертел головой, — а где мухи? Вы же тоже слонodelием занимаетесь. У нас просто кругом мухи, они у нас залог выполнения плана. Гарантия того, что вдохновение слонodelов не пропадет даром.

— Наша мама в этом плане уникальна, — Натаха повернула голову к Ивану и улыбнулась, — ей не нужно время на вдохновение. Она может сразу.

— А у меня мама в городе живет, — вздохнул Иван от непонятно откуда взявшегося воспоминания, — к себе все зовет. Ждет меня... Слушай, а как у вас сам процесс происходит?

— Вечером все увидишь. И даже поучаствуешь, — снова улыбнулась Натаха.

— Так это что? Я буду твою маму вдохновлять, что ли? Вот это да. Я к этому как-то не готов. Нет, ты не подумай, я профессионал своего дела. Просто я не очень люблю стадию закрепления. Слоны же не закрепляются, если в конце не прозвучит какой-то грубой ругани или мата. Или еще чего хуже — рукоприкладства. Бабы наши слонodelьщицы поэтому со мной и не могут результата нормального добиться. Жалуют меня в конце, и слоны сдуваются. «Объект, на который направлено эмоциональное нагнетание, должен искренне испытать несправедливость текущей ситуации. Иначе закрепление невозможно» — так наш технолог говорит. А мужики так даже не пытаются со мной поработать. Они словами слонов закреплять не привыкшие, а бить меня брезгают, — сказал Иван и сам удивился своей откровенности, — ой, Натаха, что-то я говорю да говорю. Умеешь ты к себе расположить.

— Ну, это не главный мой талант, — сказала Натаха и усмехнулась, — а насчет закрепления не переживай, Иваха, у нас по-другому все происходит.

* * *

Натаха несильно пихнула гостя в бок. Иван проснулся и, потирая глаза, попытался до конца прогнать послеобеденный сон.

— Вот это я хорошо поспал, — сказал он Натахе.

— Спал, как слон, — игриво сказала девушка, — пошли, мама приехала. Будем настоящего слона делать.

В комнате, куда Натаха привела Ивана, стояла большая клетка на колесиках. Размер ее был такой, что она как раз помещалась в широкие дверные проемы. В середине клетки стояла стеклянная трехлитровая банка. Рядом с клеткой стоял Василь. Он поманил к себе Натаху и Ивана. Мама стояла у окна в противоположной стороне комнаты. Она выглядела как барыня, разглядывающая свои владения.

— Ну, Иван, как вам тут у нас? — спросила она и подбоченилась так, что превратилась в большую упитанную букву «Ф».

— Нравится, — произнес Иван и посмотрел на Натаху в поисках поддержки.

— Кто нравится? Натаха моя нравится?

— Да нет, я имею в виду дом ваш, угощения, — попытался оправдаться Иван.

— А я смотрю на вашу расстегнутую ширинку и думаю, что все-таки Натаха.

— Ой, извините, — Иван быстро застегнулся, — все время она расстегивается в неподходящий момент.

— А у себя на ферме вы тоже с расстегнутой ширинкой ходите или только здесь решили хозяйством пощеголять?

Василь вопрошающе посмотрел на Натаху. Она произнесла одними губами «началось» и махнула Василю рукой. Получив одобрение, Василь потихоньку открыл клетку, залез одной рукой в свой широкий рукав, достал оттуда спичечный коробок, открыл его, достал из коробка муху и положил ее в трехлитровую банку в клетке. После этого он запер клетку и кивнул головой Натахе.

— Зачем вы так говорите? — покраснел Иван.

— Как я говорю? Ты учить еще меня будешь, как говорить надо? В моем собственном доме? У самого штаны на честном слове держатся, а он учить вздумал. Еще не хватало мне тут учителей с голой жопой, — начала распыхляться хозяйка дома.

— Почему с голой жопой? — Иван покраснел еще сильнее, его голос и руки задрожали.

— Да ты не виляй, гость дорогой, говори прямо. Мол, дура ты хозяйка, неученая. Мол, учить тебя буду. Хоть одетый, хоть с голым задом. А ты радоваться должна и «спасибо» говорить мне за это...

Раздался треск. Иван посмотрел на клетку. Муха увеличилась в размерах так, что банка не выдержала и разлетелась. Средние лапки у насекомого срослись с передними и стали необычайно толстыми. Задние тоже увеличились в объёме. Крылья налились серым цветом и съехали по телу от грудки к голове. Глаза по отношению к телу уменьшились, в них появились зрачки. Хоботок удлинился и покрылся кожей.

— Ты не на муху смотри, Иван, на меня смотри. На дуру ненормальную, на истеричку, — продолжала свою работу мама Натахи.

Иван не мог оторвать глаз от перевоплощения мухи. Это зрелище всякий раз его словно завораживало. А насекомое тем временем все меньше и меньше походило на насекомое. Оно еще сильнее увеличилось в размерах, все его тело покрылось кожей серого цвета. Бывшие крылья уже выглядели как вполне сформированные слоновьи уши. Вырос хвост. Начали расти бивни.

— Натаха, бивни полезли, — крикнул Василь.

Натаха быстро подошла к Ивану, достала из своего широкого рукава длинное шило и с силой воткнула его гостью в область груди. Иван удивленно посмотрел на Натаху и рухнул на пол.

— Вот видишь, Иваха, никаких матов и никакой драки, — сказала Натаха и вытерла шило о рукав, — «иначе закрепление невозможно» — дурак ваш технолог. Нет объекта — нет сдутия.

Слон без бивней стоял в клетке. Он растерянно смотрел на людей, пытался взлететь и издавал звуки, похожие на жужжание:

— Зззз, зззз, зззззззззз.

* * *

Тело Ивана Василь вынес на улицу и положил в расписной гроб. Ночью к нему пришла Натаха.

— Ох, Иваха, не твое это, — заговорила она с телом Ивана, — не приспособлен ты ни к шпионству, ни к слоноделию. Ехал бы ты к мамке в город. Зовет же она тебя, ждет же. Нужен ты ей. А здесь кому ты нужен? Да и на ферме на твоей? Знал же директор твой, куда тебя посылает. А ведь все равно послал. Не нужен ты ему, Иваха. Езжай-ка ты к маме. А про то, что здесь видел, забудь. И секрет наш, и меня. Все забудь. Забудь и напрямик в город к маме. Давай, Иваха, езжай, — договорила Натаха и поцеловала Ивана в лоб.

— Ну, ты, Натаха, и вправду мертвого уговоришь, — сказал оживший Иван и вылез из гроба.

* * *

К воротам подъехал трактор. Водитель, не вылезая из кабины, взглядом указал Ивану на пассажирское место.

— Сейчас, — крикнул ему Иван и повернулся к провожавшей его Натахе, — слушай, вопрос есть последний. А зачем дерьма столько на подъезде к вам навалено?

— Ах, это? — рассмеялась Натаха. — Да то ж Василь решил как-то кондитером стать, хотел из дерьма конфеты делать. Дома мать ему запретила, вот он и натаскал из слоновника дерьма на улицу. Только не вышло у него ничего... Ну, прощай, Иваха.

* * *

— Ну что, парниша, выведал ихний секрет? — спросил у Ивана водитель на обратной дороге.

— Не мое это — вот в чем секрет, — сказал Иван каким-то отрешенным голосом, — к мамке поеду. В город. А насчет Натахи ты был прав: умеет баба уговаривать, мертвого уговорит.

ПОТЕРЯННОЕ ЧУВСТВО

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? Никого? Тогда я здесь поселюсь, — сказала Сознание и зашло в теремок.

В теремке в самом темном уголке Сознание нашло маленькую притаившуюся Личность.

— Ух ты, какая маленькая, какая миленькая. Привет. Я — Сознание. Будешь расти под моим наблюдением?

Личность посмотрела на Сознание и утвердительно кивнула.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — раздался чей-то голос снаружи.

— Я тут живу. Я — Сознание. А ты кто?

— А я — Слух. И я слышал, что в теремках живут Личности. В этом теремке живет Личность?

— Живет, но она еще очень маленькая. Поможешь мне ее вырастить? — спросило Сознание Слух.

— Конечно, помогу. Я же теперь тоже здесь живу, — ответил Слух и вошел в теремок.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — снова раздался голос снаружи.

— Я — Сознание, — сказала Сознание.

— Я — Слух, — сказал Слух, — а ты кто?

— А я — Зрение. Вижу, вы не меня ждали?

— Не ждали. Еще очень темно и снаружи, и внутри. Но мы очень тебе рады, заходи, — пригласило Сознание Зрение в теремок.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — послышалось сразу несколько голосов снаружи.

— Я — Сознание, — сказала Сознание.

— Я — Слух, — сказал Слух.

— Я — Зрение, — сказала Зрение, — а вы кто?

— А мы — Осознание, Вкус и Обоняние. Обоняние еще не совсем проснулось. Немного заторможенное. А Вкус и я — вполне себе адекватные, — сказала Осознание и вместе со Вкусом завело вовнутрь Обоняние.

Над теремочком взошло солнце.

— Что-то раньше времени солнце взошло, — сказала Сознание.

— Ох, прихожу в себя наконец-то, — сказала Обоняние.

— Как тут светло стало, — сказала Зрение.

— Я ухожу, — сказал Слух и вышел из теремка.

— Стой, ты куда? — попыталось остановить Слух Сознание и выбежало за ним. Но Слуха уже не было видно. Зато на крыльце кто-то сидел, никак не решаясь зайти в теремок.

— А ты кто, — спросило Сознание, — и почему ты сидишь на крыльце?

— Я — Речь. Я хотела зайти в теремок, но увидела уходящего Слуха. А без Слуха я к вам не могу зайти. Никак.

— Речь? Как хорошо! Давай заходи, поможешь нам вырастить Личность. А Слух вернется. Обязательно вернется.

Сознание взяло Речь за руку, но та руку отдернула.

— Вот как вернется, так я и зайду, — сказала она и отвернулась от Сознания.

— Ладно, у нас еще есть время, — сказала Сознание и вошло в теремок без Речи.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — почти сразу раздался чей-то голос из-за двери.

Сознание выглянуло наружу:

— Да тут много кого. Зрение, Обоняние, Вкус, Осознание и я — Сознание. А ты кто?

— А я — Характер.

— Характер? Отлично! Наслышано про тебя. Уж ты-то точно поможешь нам с Личностью. А ты там, кстати, Речь не видел?

— Это та, что на крыльце сидит? Видел, видел.

— А может, проявишь себя сразу же? Уговоришь ее в теремок войти? Вместе вы нам такую Личность вырастить поможете.

— Попробую, — сказал Характер и вышел на крыльцо.

Он подошел к Речи и начал себя проявлять:

— Речь, пошли в теремок.

— Да не могу я без Слуха, — сказала Речь тихим и понурым голосом.

— Так есть же Зрение.

— Да нет. Мне Слух нужен. Со Зрением у меня вряд ли получится. А если и получится, то я сама не своя буду, неуверенная, дерганая. Нет, мне нужен Слух.

— И как же я без тебя теперь? Сознание сказало, что мы оба нужны, чтобы Личность вырастить.

— Да я и сама все понимаю. Но не могу я без Слуха. А тебе придется закаляться, — сказала Речь Характеру, отвернулась от него и расплакалась.

* * *

Воды отошли раньше срока на восемь недель. Будущие мать и отец вызвали «скорую». Приемная, направление в перинатальный центр, палата. Несколько часов ожидания. Родильная комната. Девочка родилась недоношенной. Легкие открылись не полностью. Желтушная кожа. Синева вокруг носа. Девочку отнесли под кислородный колпак. Медсестра посматривала за ней, но постоянно отвлекалась. Девочка вертелась, выползала из-под колпака, организм недополучал кислорода. Осложнение. Доктор назначил укол гентамицина. Укол в родничок на голове. Снова кислородный колпак. Медсестра после перенесенного девочкой осложнения отвлекалась реже — боялась, что после второго раза девочка может умереть. Тогда медсестре сделают выговор. Мать девочки старалась все время быть около своего ребенка. Она нервничала. Недоедала. Недосыпала. Постоянно находилась в предыстеричном состоянии. Ей несколько раз назначали прием у психолога. Отца девочки не пускали в палату. Он не осознавал всю серьезность ситуации. Девочка лежит в больнице, врачи и медсестры рядом — что еще сделаешь? Прошло несколько недель. Легкие девочки открылись. Кожа вокруг носа стала такой же, как на других участках тела. Мать и девочку выписали домой. Дома уже были готовы кровать, ванночка, пеленки и подгузники. Дома мать облегченно выдохнула и впервые за этот месяц выпалась. Девочка росла. Она хорошо кушала, хорошо спала. Была веселой и часто улыбалась. Она реагировала на свет, на запахи, на вкус грудного молока и на прикосновения. Но не реагировала на звуки. Мать и отец хлопали в ладоши, гремели кастрюлями, кричали. Девочка не реагировала. В годовалом возрасте анализы показали «наличие дегенеративных изменений улитки внутреннего уха», приведшие к потере слуха. Причиной могли быть побочные действия антибиотика — того самого укола гентамицина в перинатальном центре. Девочку записали на государственную программу по кохлеарной имплантации — специальной операции, позволяющей восстановить слух. Шло время. Мать и отец девочки понимали, что развитие их ребенка под угрозой. Без слуха девочка не могла развить у себя навыков речи. Без речи все остальное развитие сильно тормозилось. Мать стала писать о вреде гентамицина, о халатности медсестер, о врачебном беспределе в социальные сети. Затем в Министерство здравоохранения. Затем в прокуратуру. Помогли ли ее письма, или просто подошла их очередь, девочку положили на операцию. Через три месяца после кохлеарной имплантации девочка стала реагировать на звуки.

* * *

Речь сидела на крыльце. Грустила. Подумывала, что, может, стоит попробовать зайти в теремок, что, может, у нее и со Зрением все получится. Кто-то к ней подошел. Речь на него посмотрела.

— Слух! Это ты? — спросила она.

— Привет. Я вернулся. Пойдем в теремок?

— Слух, миленький. Как же долго я тебя ждала. Пойдем скорее внутрь, — Речь взяла Слух за руку, и они вошли в теремок.

— Наконец-то, — увидев их, воскликнуло Сознание, — и Слух с нами, и Речь. Эй, Характер, теперь мы такую Личность вырастим — закачаешься.

БАТЯ

Про кур

Решил как-то батя в курятнике посадить траву. Гуляли мы с ним недалеко от дома, увидел он полянку с сочной травой и говорит:

— Давай дерна в курятник натаскаем. Чего каждый раз траву им заготовливать? Пусть сама у них в курятнике растет.

А я ему на это отвечаю:

— Ты чего, батя? Они ж ее всю сразу повытоптают.

— Повытоптают, — передразнил меня батя, — поучи еще меня, паразит... Мы дерн водицей польем, и трава снова вырастет.

Как-то сразу я понял, что дело не выгорит. Куры, как заправские экскаваторы, весь дерн перероют, и превратится он в слой грязевого месива. Хоть заполивайся потом, ни хрена там не вырастет. Но спорить не стал. Думаю, пусть бате уроком будет. Натаскал я дерна. Разложил в курятнике. Умаялся. Стою от пота весь мокрый, как щенок, с головы до пят облизанный собакой, наблюдаю. Белые курицы, как всплывающие пельмени в кастрюле с кипящей водой, по одной стали выходить на свежую травку. Выходить и рыть ее своими лапами. Через пару часов куры из дерна сделали однородную жидковатую массу. «Ну вот, как я и предполагал. Будет бате уроком», — подумал я. А батя вышел, поглядел на эту грязищу и говорит:

— И вправду повытоптали... Вот сволочи, — потом повернулся ко мне: — Накаркал ты, гаденыш... Ну, чего уставился? Чисть теперь курятник.

Про кроликов

Решил как-то батя, что пришло время научить меня, как резать кроликов.

— Возьми-ка, — говорит, — сына, из крайней клетки серого кролика, который помясистее. Да тащи его досюда.

В клетке четыре кролика. Три белых и один серый. Я взял серого за передние лапы и понес к бате. Животное, почуяв неладное, начало быстро-быстро тарабанить по мне задними лапами. Когти у кроликов не острые, но оцарапать могут. Серый вырвался и упал на землю. В руках у меня остались два пушистых клочка шерсти.

— Батя, он выскочил от меня, зараза.

— Да что ж ты, сына, косорукий-то такой народився? Гони его к забору.

Я стал обходить кролика с одной стороны, а батя с другой. Подошли мы к нему вплотную. Серый метнулся ко мне, потом назад, потом к бате, снова назад, прижался спиной к забору и как запищит. Звонко так, протяжно. Никогда бы не подумал, что кролики пищать умеют.

— Это что еще за журавлиная песня? — батя взял его на руки и стал поглаживать. — Тихо, тихо, зверюшка.

Кролик прижал уши и больше не дергался. Батя подошел к разделочному месту, взял молоток свободной рукой и сильным ударом по лбу выгнал из кролика сознание вон. Потом разжал ему зубы двумя пальцами. Взял тонкий нож и скovyрнул кролику через рот его кроличье горло. Из носа и рта животного полилась алая кровь. Она пузырилась и пенилась, как клубничное варенье на плите. Батя подвесил кролика за лапы на перекладину. Сделал два надреза по кругу на задних лапах. Еще несколько надрезов от ног к хвосту. И стянул с кролика шкуру так просто, как хирург снимает после операции перчатку. Тушка кролика без шкуры была бежевой и гладкой, как пластмассовая нога от сломанной сестренкиной куклы.

— Эх, сына, — откладывая шкурку в сторону, поглядел на меня батя, — чего ж ты его ташил так небрежно. Шкурку вон заплешил. Животинка, она ласку любит. С ней надо бережно, нежно. Особливо перед разделкой.

Батя взял нож, кроличьи кишки вывалились в тазик со звуком упавшего на пол мороженого.

Про нутрий

Решил как-то батя завести болотных бобров — нутрий. Клетки для них были сделаны из высечки, рабицы, уголков и досок. В клетках стояли небольшие кирпичные домики. Пол заливался бетоном.

— Восемь к одному делай, — говорил батя, когда я замешивал раствор, — цемента экономь, транжира. Его всего пару мешков осталось.

Бетон получился некрепкий. Зубы нутрий оказались крепче. В каждом домике нутрии проделали подземный ход и выходили гулять в огород, пока батя был на работе. Далеко они не разбегались. После школы я должен был пересчитывать нутрий в клетках. Сестренке это дело не доверяли. «Не дошла она до нужного возраста. Безответственная еще», — говорил батя. Если я недосчитывался нутрий, то искал беглецов в огороде и караулил их там до прихода бати. Батя приходил вечером, когда уже начинало темнеть.

— Если их за хвост держишь, то они свое тело поднять не могут. А значит, и укусить не способны. Чего ты меня ждешь все время? Чего сам их не ловишь? Тряпка ты трусливая. Вырастил на свою голову. Отойди, чтоб тебя, — говорил батя, а потом брал сбжавших животных за длинный хвост и разносил их по клеткам.

— Что ты на ребенка рычишь? Видал, какие у твоих чудовищ зубы? Лучше б клетки переделал, — заступалась за меня мамка.

В начале лета в арыке пустили воду. Сбжавшие из клеток нутрии, видимо решив освежиться, залезли в арык и поплыли вниз по течению. Мама, увидав мой испуг, сказала, чтоб я не переживал и шел гулять. Я засел в конце огорода в кустах малины и стал ждать. Вечером пришел батя. В огороде вместо меня он нашел сидящую на табуретке мамку.

— Уплыли твои черти зубастые, — сказала она батю, указывая рукой на арык. — А детей я погулять отпустила, чего им тут караулить?.. Разбегаются все от тебя. Дети вон подрастут, тоже разбегутся.

— Чего ты несешь, старая? — крикнул на мамку батя и смачно харкнул на землю. — Дети же не звери. Никуда они не разбегутся... Мы их еще выгонять устанем.